

© 2011 г. К.Г. Иштоян

УДК 81

**ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ПЕРСОНАЖА И ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ
В СВЕТЕ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

В сфере актуальных интересов когнитивной лингвистики находятся те структуры и процессы, которые свойственны человеку как *homo loquens*, механизмы человеческого усвоения языка, принципы структурирования этих механизмов, а также восприятие и продуцирование дискурса [1, с. 34; 2, с. 21; 3; 4, с. 4-5]. В рамках когнитивной науки находят наибольшее решение проблемы, связанные с взаимодействием таких лингвофилософских сущностей, как язык, мышление и сознание, интересующие ученых еще с античных времен. Картина мира, общая для данного социума и неповторимая для каждого из его представителей, возникает в сознании индивидуума в процессе восприятия окружающего мира, преломляется сквозь призму оценивающего Я, формируется мыслью и выражается в языке. Названные этапы и составляют, в сущности, суть познавательной деятельности человека тех процессов, которые «... так или иначе связаны со знанием и информацией» [1, с. 35].

Текущие исследования, посвященные выявлению специфики когнитивных процессов, также начинают играть заметную роль в изучении языка художественной литературы. Когнитивная грамматика, теория концептуальной метафоры, анализ ментальных пространств – по сравнению с традиционными лингвистическими подходами – позволяют по иному взглянуть на особенности моделирования языкового и речевого значения в художественном дискурсе. Указанные когнитивные направления, в свою очередь, обусловили новые парадигмы интерпретации литературного текста, которые не только учитывают языковые формы – как это традиционно делает поэтика и стилистика, – но выявляют те когнитивные процессы и структуры, которые лежат в осно-

ве реализации этих форм в художественном дискурсе. Теория концептуальной интеграции представляет собой еще одно когнитивное направление, предполагающее междисциплинарный подход к исследуемому материалу.

В рамках данной публикации проанализируем основные положения теории концептуальной интеграции и применим их при анализе современного художественного дискурса, в котором, как отмечают исследователи, авторы все чаще и чаще задействуют образную составляющую повествования [5]. Согласно нашим наблюдениям, образы в современной литературе конструируются прежде всего с применением механизмов концептуальной интеграции. Авторы активно эксплуатируют эти механизмы для конструирования точки зрения художественного повествования, поддержания когнитивного внимания читателя к ней. Достаточно часто в современной литературе основное повествование переплетается сюжетами и темами из прошлого и настоящего персонажей, при этом моделирование манипулирование ментальными конструктами оказывает влияние на авторский выбор языковых форм не только на уровне отдельного предложения или абзаца, но и всей структуры художественного повествования.

Теория концептуальной интеграции основывается на ранних работах в сфере ментальных пространств [6; 7]. Ментальное пространство описывается как когнитивный конструкт, моделируемый главным образом с помощью языковых выражений, значение которых актуализуется в определенных временных рамках, «вмонтированных» в текст. В наиболее простых случаях ментальные пространства задаются языковыми выражениями с пространственной и временной семантикой, что позволяет автору и читателю моделировать соответствующий конструкт ситуации, которая потенциально может быть отдалена от данного дискурсивного контекста. Ментальные пространства могут также репрезентировать вымышленные, контрастирующие друг другу ситуации, быть маркированы косвенным способом: через выражение модального, эпистемического или эмоционального отношения к предмету речи.

Некоторые исследования в сфере ментальных пространств были применены к анализу художественного повествования [8]. Установлено, что в рамках повествования ментальные пространства моделируются в конфигурации, которые включают в себя пространства точек зрения, которые в свою очередь, порождают другие пространства, а также фокус моделируемых на данной стадии разви-

тия дискурса пространств. В тексте также встречаются случаи компрессии и декомпрессии пространств, предопределяющие идентичность персонажа.

Проанализируем один пример, в котором описывается путешествие повествователя по Британским островам. В то же время повествователь акцентирует когнитивное внимание читателя на событиях своего детства: (1) “For days I had been dreading the arrival of the brown envelope with the Worcester postmark... The boy described in it was lazy. He showed no house spirit, no team spirit” [9, p. 20]. В приведенном текстовом фрагменте повествователь-персонаж актуализует ситуацию из своего прошлого, когда он был еще мальчиком, по отношению к которому школьное руководство относилось критически. В первом предложении повествователь-персонаж говорит от первого лица (I had been dreading...), во втором предложении наблюдается смещение референциального плана: повествование начинает вестись от третьего лица (the boy, he).

Указанное смещение косвенно указывает на то, что повествователь, вспоминая свое детство, и мальчик, описание которого содержится в письме, в художественном тексте не рассматриваются как два аспекта целостной идентичности, что соответственно предполагает разные языковые выражения описательного характера. Местоимение I в анализируемом отрывке манифестирует взрослого повествователя, рассказывающего свою историю и вспоминающего свое детство, от которого у него остались не совсем приятные впечатления. Личность, репрезентируемая местоимением 1 л. ед. ч., фактически не подвергнута декомпрессии, поскольку включает текущее осознание себя повествователем и память детских мыслей.

Другими словами, повествователь, будучи уже зрелым человеком, представляет в тексте свое понимание своего же детства. Это понимание проектируется в пространство прошлого. В то же самое время, местоимение 1-го л. ед.ч. в дейтическом отношении связывает личность повествователя (и точку зрения повествования) с настоящим, с моментом непосредственного изложения событий, поскольку данное местоимение принадлежит к главному пространству повествования. Номинация the boy, напротив, в референтном отношении указывает на образ повествователя тридцатилетней давности и предполагает ту составляющую этого образа, которая была сформирована школьным руководством. Возможно, что сам повествователь не представил бы себя в подобном свете. Фактически, это другая личность, хорошо известная

школьному руководству, но не совместимая с восприятием себя повествователем в раннем возрасте.

Читатель потенциально может вообразить, что местоимение I в референциальном отношении указывает на обе проанализированные нами идентичности (ср. I was described in the letter as lazy). Подобное употребление местоимения 1-го л. ед. ч. моделирует идентичность повествователя, подвергнутую компрессии. Однако в этой идентичности полностью отсутствует точка зрения повествователя на себя: повествователь-мальчик, представленный в письме своими отрицательными качествами, описывается с точки зрения школьного руководства. Таким образом, Я повествования (личность повествователя) выявляет оценку, основанную на различных критериях.

Выбор номинаций референциального характера становится в художественном тексте сигналом того, что идентичность повествователя подвергнута декомпрессии. В случае примера (1) конфигурация ментального пространства включает (а) настоящее нарративное пространство; (б) пространство прошлого, в котором мальчик за завтраком читает своему отцу письмо, полученное от школьного руководства; (в) пространство «письмо», репрезентирующее отрицательную оценку мальчика (повествователя-ребенка). Декомпрессия личности повествователя в рамках художественного дискурса оказывается необходимой для того, чтобы представить две точки зрения, закрепить их за двумя различными пространствами повествования.

В последующем изложении повествователь дает описание своего отца. Первая часть этого описания представляется с точки зрения настоящего пространства повествования, которое актуализовано в тексте местоимением 1-го л. ед. ч. Глаголы прошедшего времени становятся в тексте показателями того, что повествователь задействует свои воспоминания о детстве, моделирующие пространство прошлого. После внедрения этого пространства в текст местоимение I продолжает связывать выражаемую в тексте точку зрения с настоящим моментом повествования. Третье предложение, вводимое наречием now, сигнализирует о смешении пространств, при котором now повествователя и сцена за завтраком, имевшая место в прошлом, интегрируются таким образом, что позволяет читателю выявить различные взгляды повествователя на своего отца. Ср.: (2) “At thirteen I was easily fooled by clothes, and this aged cassock made my father himself

seem like a very old man to me...He was thirty-six. Sitting now in another dusty room, its air thickened with pipe smoke of the same brand. I find myself staring back, puzzledly, at a man much younger than myself...His hair is black and thick, his skin unlined. His preposterously old clothes only serve to underline his youth as he returns my gaze – astonished to find himself the father to this bulky balding fellow in his forties...” [9, p. 21].

Концептуальная интеграция, в рамках которой отец повествователя (как молодой человек) и его сын (как повествователь-зрелый мужчина) описываются как элементы одного и того же пространства, которое моделируется на фоне родового пространства, выявляющего стандартный сценарий встречи отца и сына. Первым вводимым пространством предстает пространство прошлого (введенное глаголом *was*), в котором обнаруживаются тридцатишестилетний отец повествователя и повествователь-ребенок. Вторым вводимым пространством (настоящего времени, маркированного наречием *now*) является изображение повествователя как уже зрелого человека, сидящего за столом и курящего трубку. Последующие предложения являются элементами смешанного пространства, в котором повествователь и его отец смотрят друг на друга, сидя за столом. Интегрированный образ сохраняет внешние черты обоих персонажей такими, каковыми они были представлены вводимыми пространствами: отец достаточно молод, черноволос, одет не по моде, повествователю – более сорока лет.

Появляющаяся в результате интеграции структура сводит обоих персонажей во времени, которое подвергнуто компрессии. В связи с этим, персонажи имеют возможность смотреть друг на друга, несмотря на тот факт, что между ними сохраняется временной разрыв, который обнаруживается между двумя вводимыми пространствами. Повествователь может посмотреть назад, оглянуться (*stare back*), что, в свою очередь, является выражением метафорического понимания времени в рамках пространства, «впереди» которого находится будущее, а «перед ним» – прошедшее. Появляющаяся структура материализуется только в рамках интегрированного пространства и не может быть сведена исключительно к одному из вводимых пространств.

Использование временной характеристики глаголов-предикатов в анализируемом фрагменте текста маркирует не только «темпоральную прицепку» двух вводимых пространств, но и смещение точки зрения от одного про-

странства – к другому. В процессе описания содержания интегрированного пространства посредством глаголов настоящего времени повествователь моделирует смещение к своей настоящей, «взрослой» точке зрения. Об интегрированном темпоральном пространстве в тексте говорится как о «настоящем», поскольку ситуация описывается с точки зрения повествователя, который является в момент повествования зрелым мужчиной, а не с точки зрения «тогдашнего» ребенка.

В интегрированном пространстве фактически обнаруживается три персонажа: повествователь, описывающий события, повествователь в возрасте ребенка, который остается в фоне повествования, и отец повествователя, который в настоящий момент имеет возможность увидеть своего сына (как взрослого). Одновременно интегрированное пространство порождает в тексте эффект размещения обоих персонажей в одном и том же визуальном контексте с сохранением дистанции между ними в более чем тридцать лет.

Следовательно, моделирование интегрированного пространства открывает новые возможности интерпретации текста, позволяет читателю сосредоточиться на аксиологической составляющей взаимоотношений персонажей, о которых в тексте ничего не говорится эксплицитным способом. Повествователь изображается в процессе понимания того, каким в действительности был его отец. В последующем изложении усиливаются основания для подобной интерпретации посредством дальнейшего развития всех пространств, моделированных ранее, поддержания когнитивного внимания читателя к ним. Ср.: (3) “What I saw across the breakfast table – and saw with the pitiless egoism of the thwarted child – was not my father, it was England... there sat the Conservative Party in person, the Army in person. The Church in person... Seeing him now through different eyes, I find myself watching a sorrowful, lean and angular young man, hopelessly lost for words... He searches the face of his child for a clue as to how to go on... The child is blind to all this. He is putting on the fishing touches to his Bored Aristocrat face...” [9, p. 22-23].

В иницирующих данный текстовой фрагмент предложениях снова актуализуется прошедшее время. Моделируемая при этом ситуация соотносится с одним из ранее представленных вводных пространств (повествователь-мальчик и его отец). Вторая часть фрагмента (с глаголами-предикатами в настоящем времени) содержит концептуально интегрированное пространство, в ко-

тором повествователь-взрослый наблюдает за тем, как его отец разговаривает с повествователем-мальчиком, как бы дополняя восприятие ситуации, описанной ранее в пространстве прошедшего времени.

Интегрированные пространства, представленные в примерах (2), (3), достигают своей перлокутивной цели частично вследствие того, что косвенно соотносятся с концептуальной метафорой «знание есть видение», «отголоски» которой чувствуются в выражении I see, которое сигнализирует в большей степени о понимании повествователем ситуации, нежели о ее механическом восприятии.

В примере (3) обнаруживается новое понимание отца повествователем. Это понимание репрезентируется за счет «помещения» образа отца в те же самые временные и пространственные координаты, в которых находится повествователь-взрослый. Каждый из фрагментов – (2), (3) – так или иначе, соотносится с актом перцептивного восприятия повествователя. Во-первых, повествователь-взрослый смотрит на своего молодого отца, вспоминает свое детское восприятие отца. Во-вторых, Я повествователя-взрослого смотрит на отца «другими глазами», с позиции своего настоящего понимания ситуации.

Визуальная рамка интегрированных ситуаций не ограничивается только выражением мыслей повествователя-взрослого. Так, в примере (2) отец повествователя смотрит на своего взрослого сына с удивлением. Подобная реакция актуализуется в интегрированном пространстве не на основе вводимого пространства прошедшего времени, а является результатом появляющейся в результате интеграции структуры.

Другими словами, в интегрированном пространстве актуализуется смысл, который «не проявляется» ни в одном из вводимых пространств. В указанном пространстве не только повествователь-взрослый имеет возможность видеть своего отца, но и отец – привнесенный повествователем в данное пространство – начинает видеть своего взрослого сына (father returns his gaze). Повторим еще раз, что молодой отец смотрит на своего взрослого сына с удивлением. Моделируя подобную реакцию своего отца, повествователь-взрослый косвенно выражает мысль о том, что когда дети вырастают, во взрослой жизни они удивительным образом могут быть совсем другими, нежели как это было предсказано в детстве (ср. с мнением школьного руководства). Концептуальная интеграция пространств художественного текста

позволяет повествователю представить читателю свои размышления о том, как его отец чувствовал бы себя тридцать лет ранее, если бы он воспринимал своего сына как потенциального взрослого, а не как просто приносящего разочарования ребенка.

Проанализированные в рамках данной публикации примеры поднимают вопрос о потенциальной способности задействованных в художественном тексте ментальных пространств, их концептуальной интеграции косвенно репрезентировать точку зрения не только повествователя на некоторую ситуацию, но и мнение других персонажей на данную ситуацию. В частности, в случае повествования от первого лица, как мы увидели, изложение событий ведется не только с точки зрения главного нарративного пространства текста, которое особым образом маркировано в темпоральном и пространственном плане, но и с точки зрения других когнитивных сознаний, которые включаются повествователем в художественный текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
2. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разнородность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
3. *Берестнев Г.И.* О «новой реальности» языкознания // Филологические науки. 1997. № 4.
4. *Рахилина Е.В.* О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. СЛЯ. 2000. Т. 59. № 3.
5. *Пищальникова В.А.* Психолингвистические категории интерпретации художественного текста // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003.
6. *Fauconnier G.* Mental Spaces. Cambridge, 1994.
7. *Fauconnier G.* Mappings in Thought and Language. Cambridge, 1997.

8. *Sanders J., Redeker G. Perspective and the Representation of Speech and Thought in Narrative Discourse // Spaces, Worlds and Grammars. Chicago, 1996.*
9. *Raban J. Arabia. L., 1987.*

Педагогический институт

Южного федерального университета

5 декабря 2011 г.
